

ДОМ МАРЕН И ВИННИ ПРЕССЛИ

ПЯТНИЦА, 29 ОКТЯБРЯ, 23:30

«Это полный провал», — хихикнула бы Винни, увидев прикорнувшую на диване мать. Как ни бодрилась Марен, пытаясь дождаться дочь, нянчившуюся с соседским карапузом, усталость вскоре взяла свое, и женщина провалилась в сон. Очнувшись, она вытерла струйку слюны, вытекающую из уголка рта, и одним щелчком клавиши вернула к жизни примо-стившийся на груди ноутбук, по примеру хозяйки перешедший в «спящий режим». Экран вспыхнул, и в глаза Марен хлынул поток информации, обнаруженной поисковой системой.

Перед тем как задремать, Марен из мрачного любопытства заглянула необычное имя профессора, с которым столкнулась несколько часов назад, когда без предупреждения заскочила в дом своей руководительницы, чтобы вернуть прошедшую техосмотр кофеварку. За долгие годы, что Марен проработала личным помощником Алисии Стоун, одной из самых влиятельных женщин в области высоких

технологий, она постоянно встречалась со знаменитостями и сильными мира сего. А потому какой-то бостонский профессор не показался ей особо значимой персоной — наверняка очередная пешка в тщательно продуманной партии, разыгрываемой Алисией, чтобы всеми правдами и неправдами пропихнуть свою дочь Брук в Стэнфорд. Однако сегодня, за три дня до окончания досрочной подачи вступительных документов, вид его кольнул Марен в сердце, послужив грозным напоминанием — на тот случай, если до нее так и не дошло, — что для Винни путь в Стэнфорд заказан.

С хрустом вытянув шею, затекишую от лежания в неудобной позе, Марен захлопнула крышку ноутбука и зашарила рукой под подушками, нащупывая телефон. Винни прислала ей сообщение, что идет домой, но, когда Марен выудила телефон и разблокировала экран, она недоуменно захлопала глазами — часы показывали половину двенадцатого вечера, и, следовательно, сообщение от Винни пришло более часа назад. Неужели дочь тихой сапой проскользнула в дом и отправилась на боковую, не пожелав маме спокойной ночи?

Не успела она соскочить с дивана, чтобы заглянуть в дочкину спальню, как в дверь нетерпеливо позвонили, затем истошно забарабанили, и Марен внезапно сообразила, что именно эта какофония звуков и пробудила ее ото сна. Пряча улыбку, она представила топчущуюся на крыльце Винни, снова забывшую ключи. Ее дочь обладала острым умом, но была при этом до смешного безалаберной.

— Да иду я, иду! — закричала Марен, подходя к двери их крошечного одноэтажного коттеджа.

Потянув за ручку, она приготовилась одарить Винни классической материнской улыбкой, явственно говорящей: «Спасибо, что соизволила вернуться, но где тебя черти носили?» — однако, стоило ей распахнуть дверь, как кривоватая ухмылка мгновенно слетела с ее лица.

На крыльце стояла вовсе не ее дочь. Ничего подобного. На крыльце, под тусклым, облепленным расплющенной мошкаркой фонарем, возвышался полицейский в полном облачении, и Марен инстинктивно поплотнее запахнула на груди мешковатый кардиган, накинутый на линялую пижаму.

— Здравствуйте. Чем обязана?

Ей с детства внушали, что полицейские — ее самые надежные друзья и заступники, однако печальный опыт общения со стражами порядка, полученный ею много лет назад, научил ее как можно реже попадаться им на глаза.

— Добрый вечер, мэм. Разрешите представиться — сержант Уилсон. А вы миссис Прессли?

Откуда ему известно ее имя? Сердце Марен замерло.

— Д-да?

— Ровина Прессли — ваша дочь?

— Да, — замогильным голосом прошептала она.

Никто никогда не называл Винни ее полным именем!

— Мэм, очень сожалею, но у меня для вас печальные новости. Ваша дочь попала в аварию и серьезно пострадала.

— Нет, — недоверчиво потрянула головой Марен. — Вы, должно быть, спутали ее с кем-то другим.

Ей захотелось захлопнуть дверь и снова впасть в дрему или погрузиться в размышления, унимая горькую обиду от нанесенного Алисией оскорбления. Ей захотелось исчезнуть — куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

— Мэм, это смартфон вашей дочери?

Сержант Уилсон протянул ей айфон в знакомом розовом чехле. В его здоровенной лапе он смотрелся на редкость забавно, и Марен еле сдержалась, чтобы не расхохотаться. «Вздор! — зазвенел в ее голове язвительный голос, издаваемый над нелепостью предположения сержанта. — Это вовсе не телефон Винни». И всё же... Словно во сне Марен взяла в руку смартфон. Экран был разбит вдребезги. Она

перевернула айфон, вопреки всему надеясь, что на задней панели не окажется опознавательного знака, единственного в своем роде пластикового держателя в форме ролла с лососем, на который транжиря Винни спустила немалую часть заработанных денег... Марен обдало горячей волной страха.

— Боже мой... Она... С ней всё хорошо?

— Как я уже говорил, она попала в аварию и серьезно пострадала. Упала с электроскутера. Ее отвезли в Мемориальную больницу. Сожалею, но никакими сведениями о ее здоровье я не располагаю.

— Но ведь она жива? Жива?

— Никаких подробностей мне не сообщили. Сказали лишь поставить в известность ее родителей и сопроводить их в больницу. — Сержант Уилсон переступил с ноги на ногу и вытянул шею, заглядывая Марен через плечо. — А отец Винни дома?

— Нет. Я одна. Мы с дочкой живем вдвоем.

Сержант понимающе кивнул.

— Вы готовы ехать со мной в больницу, мэм, прямо сейчас?

Марен не ответила. Не шелохнулась.

— Мэм?

— Да. Да! Обождите минутку!

Стоило ей закрыть дверь и направиться в спальню, чтобы переодеться, как ее охватила настоящая паника. Марен прислонилась к дверному косяку и на миг зажмурилась, чтобы хоть немного прийти в себя и унять дрожь в ногах. Придерживаясь рукой за стену, она сделала несколько шагов и замерла, вглядываясь в развешанные там фотографии. Каждый день она деловито сновала мимо, почти не обращая на них внимания, но теперь не могла оторвать глаз. К горлу ее подступили рыдания. Вот Винни празднует пятый день рождения и улыбается от уха до уха

щербатым ртом, в котором не хватает двух выпавших молочных зубов. Вот они с Брук, крепко обнявшись, в одинаковых футболках с эмблемой Стэнфорда позируют на пляже перед бунгало Стоунов на острове Сан-Хуан. Им обоим по десять лет, и они всё еще лучшие подружки. Вот Винни на прошлогоднем школьном балу в нежно-голубом платье, подчеркивающим, но не выставляющим напоказ ее естественную красоту, и на высоченных каблуках-шпильках. И так не маленького роста, Винни кажется здесь просто моделью на подиуме. А вот последний снимок, сделанный месяц назад, когда ее приняли в Национальное почетное общество. На нем Винни почти столько же лет, сколько было Марен, когда жизнь ее пошла под откос... Марен смотрела на фотографию и думала, что всегда хотела только одного — отвести беду от Винни и подарить ей счастье. Дочь была для нее всем. Она вскинула вверх полные слез глаза и пламенно взмолилась могущественной высшей сущности, в которую давным-давно перестала верить: «Спаси и сохрани ее. Прошу тебя. Прошу тебя! Прошу!»

Сержант Уилсон включил мигалку, и патрульная машина, прежде чем выехать на магистраль, ведущую к Мемориальной больнице, понеслась, вихляя, по кривым переулкам их скромного райончика, одного из немногих, что еще остались в пораженном индустриальным бумом Сизтле. Марен ехала следом, пытаясь держать подобающую дистанцию, но то и дело подъезжала к полицейской машине почти вплотную — мозг отказывался служить ей, руки и ноги тряслись, волосы стояли дыбом. Мысли, одна другой страшнее, вихрем проносились в ее голове. Что, если Винни умрет раньше, чем они доберутся до больницы, и Марен не успеет с ней попрощаться? Что, если Винни парализует? Что, если у нее обнаружатся необратимые повреждения мозга?

И как — хотя это тревожило ее меньше всего — как, вне зависимости от диагноза Винни, она оплатит астрономические медицинские счета?

Несмотря на то что она проработала на Алисию более десяти лет, продержавшись дольше всей ее домашней прислуги вместе взятой, медицинская страховка в заключенный между ними договор не входила. В прошлом году Марен прошерстила медицинскую биржу штата и ужаснулась: ей оказалась не по карману даже страховка по субсидированной ставке. И потому, уповая на их с Винни хорошее здоровье, она потратила деньги не на страховку, а на замену трансмиссии в автомобиле. В конце концов, им оставалось продержаться всего ничего. Меньше чем через год Винни поступит в университет и получит льготную студенческую страховку. Но не откажут ли Винни в лечении? Может, написать Алисии? Как член правления Мемориальной больницы, та в состоянии обеспечить Винни необходимый уход. Она всегда заявляла, что любит Винни как родную дочь. Не заварись пару недель назад эта безумная каша с поступлением, Марен не колеблясь попросила бы Алисию о помощи. Теперь же она молила Бога, чтобы ей не пришлось этого делать.

Кое-как припарковавшись на первом свободном месте, Марен рванула к автоматическим раздвижным дверям, подбежала к девушке-регистратору и засыпала ее вопросами.

— Ваша дочь в операционной, — ответила девушка, сверяясь с компьютером. — Как только врачи освободятся, они пришлют кого-нибудь сообщить о ее состоянии. А до тех пор подождите в приемном покое.

Уже в операционной?

— Но... — заикаясь проговорила Марен. — Но... что у нее за операция? Она жива?

— Простите, но больше я ничего сказать не могу. У меня нет информации. Операция скоро закончится, и вы сами

поговорите с врачом... Ой, погодите... Миссис Прессли, верно? У меня нет данных о медицинской страховке вашей дочери. Она у вас с собой?

— Э-э... нет... Я не захватила ее. Так торопилась, что вылетело из головы... — Марен, как бы сожалея, похлопала себя по карманам. — Но, надеюсь, это не отразится на ее лечении?

— Не отразится, но прошу вас указать номер ее страхового свидетельства при первой же возможности.

— Да, да, разумеется, — заверила ее Марен. — Как только, так сразу. Уж я об этом позабочусь.

Нет, Марен не врала, она просто строила воздушные замки в надежде когда-нибудь перенести их на более устойчивую почву.

В приемном покое кроме нее находилась совсем юная семейная пара с тремя ребятами, носившимися как угорелые, а также лохматый бородач — то ли бродяга, то ли хипстер — и женщина в черной дутой куртке и бейсболке, облюбовавшая место в другом конце зала. Углядев одинокий стул, стоявший в отдалении от всех, напротив двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен», Марен уселась на него и приготовилась ждать.

Через полчаса она вновь подскочила к регистратору, чтобы выпытать у нее информацию или хотя бы прочесть по ее лицу, что с Винни все будет хорошо. Тщетно: от хирурга не было ни слова, да и выражение лица девушки, как и ее голос, не сообщило ничего нового. Марен поковыляла обратно и только тут заметила, что юная семейная пара и бездомный хипстер исчезли, а вместо них появились новые взволнованные лица. Только женщина в другом конце зала все так же несла свою одинокую вахту. «Интересно, — мелькнуло в голове у Марен, — какая у нее печаль? Кого она ждет?» Женщина, как показалось ей, тоже не сводила с нее глаз. Марен попробовала утешить себя, что не у нее одной

произошла трагедия, но это не помогло. Она рухнула в кресло и закрыла лицо руками.

Не может быть, чтобы история их жизни оборвалась вот так, на полуслове, из-за какой-то глупейшей аварии, из-за какого-то дурацкого электроскутера! Появление на свет Винни чуть не разорвало сердце Марен от горя. Но со временем, любясь глазами своей дочери, горящими внутренним путеводным светом, Марен научилась подавлять в себе мерзкие, связанные с ее рождением мысли. А теперь она и вовсе позабыла про них, вспоминая лишь три прошедшие недели. За годы совместной жизни они никогда, никогда так не ссорились. И, произойди самое страшное, как Марен жить дальше, если последнее, что она сделала для дочери, — это растоптала ее мечты? Но ведь история их семьи предполагала совсем иное! Она обещала Винни славную победу — блестящее окончание Академии Эллиот-Бэй и поступление в Стэнфорд, а не борьбу за жизнь в операционной. Рукавом свитера Марен смахнула со щек слезы. Еще недавно она выла от тоски, воображая, какое беспросветное одиночество обрушится на нее, когда Винни уедет в университет. Но разве какое-то одиночество из-за отъезда дочери сравнимо со всепоглощающей, бездонной скорбью, готовой вот-вот навалиться на нее?.. Снова...